

АЛЕКСАНДР
СКРЯГИН

ФОРМУЛА
ВЛАСТИ

Александр Скрягин

Формула власти

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319802

Аннотация

Крупный сибирский предприниматель неожиданно потерял память. А незадолго до этого ему угрожали - предположительно, конкуренты. Случай как раз для майора госбезопасности Мимикьянова. Довольно быстро ему удастся выяснить, что угрозы могли поступать от бывшего сотрудника местного секретного Института, ныне уже закрытого. Неужели в его распоряжении оказался прибор, воздействующий на сознание человека?

Содержание

Пролог	4
1. Неплановая командировка	6
3. Неудачливый ухажер	31
4. Комендант Института	40
5. Подслушанный разговор	56
6. Кофе с пирожными	65
7. Звуки фортепиано, летящие из окна	73
8. Обед у доктора Горынина	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Скрягин

Формула власти

Детективная повесть

Все описанные в данной повести события имели место в действительности.

Фамилии отдельных действующих лиц, по понятным причинам, незначительно изменены.

Автор

Пролог

Человек смотрел себе под ноги.

Он смотрел так пристально, будто увидел на асфальте вокзального перрона маленького зеленого гнома. Воротник его рубашки был расстегнут, а полосатый красно-белый галстук зажат в большой ладони.

– Борис Петрович! – обратился подошедший к нему широкоплечий мужчина в строгом костюме.

Человек с галстуком в руке поднял свой взгляд и непонимающе посмотрел на широкоплечего.

– Борис Петрович, что с тобой? Тебе нехорошо? – спросил подошедший.

– Ты кто? – с трудом выдавил из себя человек с галстуком.

Широкоплечий растерялся.

– Борис Петрович, да ты что? – приблизил он к нему свое лицо. – Это же я – Виктор.

Человек в расстегнутой рубашке испуганно отшатнулся.

– Виктор? Какой Виктор? – забормотал он.

– Ну, Виктор Чечулин... – с удивлением ответил подошедший.

– Чечулин?... – человек с галстуком отступил еще на шаг. – Не знаю никакого Чечулина... Что тебе, мужик надо, а?

– Мы должны ехать в банк... – ошеломленно пробормотал Чечулин. – Ты же сам говорил... Срочно...

Тот, кого называли Борисом Петровичем, посмотрел на длинную змею галстука в своей руке и с отвращением бросил ее под ноги. Потом затравленно оглянулся и сел прямо на асфальт.

– Кто я? – неизвестно у кого спросил он.

Над бетонной башней стоящего у путей элеватора неожиданно поднялась и пошла в синее небо стая черных птиц.

– Кто я? Я – кто? Кто? – бормотал сидящий на асфальте, держась обеими руками за голову, и раскачиваясь из стороны в сторону, словно выведенная из равновесия кукла Ванька-встанька.

1. Неплановая командировка

Начальник отдела смотрел в окно.

Майор Мимикьянов читал оперативную справку.

Из материалов первичной проверки обстоятельств происшествия следовало.

14 июля сего года в 16. 45. в больницу поселка Колосовка был доставлен Сабаталин Борис Петрович, председатель Совета директоров акционерного общества «Флора». Борис Петрович находился в состоянии шока.

В соответствии с принятой практикой, ему был сделан успокаивающий укол. Больной проспал остаток дня и всю следующую ночь, однако и наутро его состояние не улучшилось. В тот же день больного отправили в областной центр.

После обследования специалисты установили, что поступивший пациент утратил память.

Утрата являлась не полной. Больной мог обслуживать себя, владел как устной, так и письменной речью, и адекватно воспринимал обращенные к нему слова. Он представлял, в какой стране живет, и, в целом, обладал знаниями об окружающем мире в объеме, свойственном нормальному человеку. Но пациент совершенно не помнил, кто он такой, как его зовут, и, вообще, что было с ним до той минуты, когда он обнаружил себя стоящим на перроне железнодорожного вокзала станции Колосовка.

Что послужило непосредственной причиной столь серьезного нарушения психической деятельности, установить не удалось. Никаких токсичных, либо нехарактерных химических соединений в организме больного обнаружено не было.

Сотрудники фирмы показали, что в день происшествия Борис Петрович выглядел вполне нормально, ничего необычного в его поведении замечено не было. Первую половину дня он провел в офисе, а сразу после обеда, примерно в четырнадцать двадцать, в сопровождении начальника службы безопасности Чечулина В.М. и двух сотрудников охраны отправился в городское отделение Сбербанка. По пути Сабаталин заехал в ресторан «Дагомыс», где пробыл около получаса.

У железнодорожного вокзала, Борис Петрович неожиданно велел шоферу остановить машину, хотя никаких дел на станции у Бориса Петровича, по сведениям сотрудников, не было. Выходя из машины, он в резкой форме приказал сопровождающим оставаться на месте, и один отправился в сторону перрона.

Там он пробыл около двадцати минут, как будто кого-то ожидая. Вел себя Борис Петрович спокойно. Один раз доставал мобильный телефон. Разговаривал не долго.

По расписанию в это время не один поезд через станцию «Колосовка» не проходил.

Какого-то особого беспокойства такое времяпровождение охраняемого лица ни у начальника службы безопасности, ни

у охранников не вызвало: фигура прогуливающегося по перрону шефа хорошо просматривалась из окон «Мерседеса». Сопровождающие считали, что вполне успеют прийти к нему на помощь в случае возникновения угрожающей ситуации. Разумеется, отметил Ефим, такое поведение охраны нельзя назвать профессиональным. Для того, чтобы нанести человеку вред или даже лишить жизни достаточно нескольких мгновений. Оправданием сотрудникам может служить лишь то, что тихая Колосовка, конечно, не способствовала воспитанию бдительности.

Однако, по утверждениям охранников, пока Сабаталин прогуливался по перрону, никто к нему не подходил, и сам он ни к кому не обращался.

Через некоторое время находящийся в машине начальник службы безопасности «Флоры» Виктор Михайлович Чечулин решил напомнить Сабаталину, что его ожидают в городском отделении Сбербанка. Подойдя к своему руководителю, он увидел, что тот стоит, словно в оцепенении, зажав в руке сорванный галстук. Выражение лица, Бориса Петровича показалось ему странным. После попыток заговорить с Сабаталиным, Чечулин понял: с шефом что-то не ладно. Он явно не понимал обращенные к нему слова, и в целом производил впечатление человека, утратившего ясность рассудка.

Чечулин принял решение отвезти Председателя Совета директоров в поселковую больницу.

В настоящее время Борис Петрович Сабаталин перевезен

в город и помещен в областную клинику. С ним проводится соответствующее лечение. О перспективах возвращения памяти врачи ничего определенного сказать не могут.

Ефим закончил читать и поднял на начальника темно-сизые глаза.

Майор Мимикиянов носил короткую аккуратную прическу, в меру благоухал хорошим одеколоном и умудрялся сохранять на брюках острую стрелку. И все-таки было в его облике что-то тревожное. Сухим лицом, внимательными морскими глазами и острыми, прижатыми к голове ушами он напоминал волка. Ухоженного и научившегося ходить вертикально, но, в сущности, оставшегося диким лесным зверем.

Подполковник Георгий Пигот откинулся на спинку кресла и тоже внимательно посмотрел на своего подчиненного.

Был Георгий Иванович крепко сложен и уверен в себе. Он зачесывал назад длинные рыжеватые волосы и носил очки в тонкой золотистой оправе. Пигот по возрасту приходился Ефиму ровесником, и наедине они называли друг друга по именам. Но только наедине. Вольности в обращении с начальником майор хоть и позволял, но минимальные. Он знал, что обиды Гоша Пигот не прощает. Волк – зверь хоть и не слабый, но хитрый, и с медведем предпочитает не связываться.

Стукнув согнутым указательным пальцем по столу, Георгий Иванович внушительно произнес:

– Придется тебе, Ефим, в Колосовку съездить. Ты же там

в свое время при Институте пять лет оттрубил. Все знаешь. Тебе и карты в руки.

– Гоша, у меня ведь со следующего понедельника отпуск. Ты не забыл? – мягко заметил майор.

– Все я помню. Эту неделю там поработаешь, может быть, что-то и накопишь... За неделю – успеешь. А не успеешь – перенесем твой отпуск.

– Как это – перенесем? Может быть, я уже билеты на юг взял... – не особенно нажимая, возразил Ефим.

– Ну, сдашь свои билеты! – поправил очки начальник. – Ты знал, куда шел, когда погоны надевал... В органах один закон: приказ обсуждается только в той части, как лучше его выполнить.

Майор демонстративно вздохнул:

– А я думал, в море искупаюсь...

Пигот усмехнулся.

– Да не брал ты никаких билетов! – махнул он в сторону майора ладонью. – Знаю я тебя! Ты же туда в Колосовку к своим друзьям рыбу ловить, да яблочную самогонку пить и собрался! Мне же все известно! Так что, я тебе фактически еще даже отпуск продляю!

– Здравсьте, он мне отпуск продляет! – обозначил определенное возмущение майор. – Одно дело на бережку сидеть, рыбу ловить и ни о чем не думать! Это я понимаю – отпуск! А бегать по поселку, вынюхивая неизвестно что, – спасибо за такой отпуск!

Пигот наклонил голову и некоторое время рассматривал подчиненного.

– Да зачем тебе там бегать?... – сказал он. – Информация к тебе сама приплывет. Ты ж там – свой! Поселок маленький, не может быть, чтобы никто ничего не знал... Если вообще есть, что знать... Ты просто слушай внимательно и все!

– Ну, а местные, для чего? – для порядка продолжал сопротивляться майор Мимикьянов. – Что же, Витя Зимницкий сам послушать не может?

– Зимницкий завтра отбывает в Новосибирск на плановое повышение квалификации. К тому же, он там без году неделя... Он еще с внештатной агентурой разобраться не может... Не понимает, кто на что способен, и кому, что поручать... Чего же он там может нарыть?

Майор Мимикьянов понял, что командировка неизбежна. Тогда он решил попытаться выяснить настоящее отношение начальника к поручаемому заданию. То ли ему нужно будет, действительно, попытаться что-то нарыть, то ли съездить ради галочки, чтобы Гоша мог отчитаться: дескать, меры к выяснению обстоятельств принимались.

– Так может, там и рыть нечего? – осторожно произнес он. – Медицинский случай и все? С каждым может случиться... Ни я, ни страшно сказать, даже вы, товарищ подполковник, от такого не застрахованы! Организм человека – загадка!

Пигот на подначку не обиделся.

– Может быть, и просто медицинский случай. – задумчиво проговорил он. – А, может быть, и нет. Ты федеральный приказ о людях, потерявших память, помнишь? Нам предписывали провести оперативно-розыскные мероприятия по выяснению обстоятельств появления граждан, не способных идентифицировать собственную личность...

– Так у нас ничего такого, вроде, не было?...

– У нас до прошлого четверга не было. Зато у соседей было. А по стране в целом, вообще, уже полторы сотни таких случаев зафиксировано. И медицина ничего объяснить не может...

Пигот помолчал.

– Но вот в нашем случае, в отличие от других, есть одна серьезная зацепка... – внушительно продолжил он и раскрыл лежащую перед ним папку.

Ефим обратился в слух.

– За два дня до случившегося, – начальник взял из папки лист бумаги, – Борис Петрович Сабаталин принес в областное управление внутренних дел заявление. В нем он написал, что опасается за свою жизнь... Вот так-то!

Ефим оценивающе приподнял брови.

– Можешь ознакомиться! – Гоша Пигот протянул Ефиму наполовину исписанный лист.

Майор стал читать.

«Начальнику управления полковнику Юзбашеву А. Б.

Заявляю, что не могу оставить без внимания угрозы со

стороны гражданина Контрибутова В. А. Указанный гражданин неоднократно предлагал мне прекратить производство средства для мытья в ванне «Милена» на расположенном в поселке Колосовка предприятии, принадлежащем возглавляемому мной акционерному обществу «Флора». В противном случае угрожал лишением жизни и здоровья.

В частности, 10 июля сего года в присутствии свидетелей Чечулина В.М., Ермакова В.В. и Стороженко Г.В., у входа в помещение офиса «Флоры», гражданин Контрибутов В. А. предъявил мне ультиматум. Он заявил, что, если в течение недели я не выполню его требования, то пожалею об этом.

Прошу принять предусмотренные законом меры по защите моей жизни и здоровья. Официально предупреждаю, что, если со мной что-либо произойдет, то в этом будет виноват гражданин Контрибутов В.Н., даже, если все будет выглядеть, как несчастный случай.»

Закончив читать, Ефим вернул бумагу начальнику.

– Вот такие-то дела! – сказал Пигот.

Подполковник помолчал, постучал пальцами по столу.

– Ты этого Контрибутова знаешь? – спросил он.

– Знаю. – кивнул майор.

– И что скажешь? Он что – местный уголовный авторитет?

– Да, нет. – качнул головой Ефим. – Он – так... Никто.

Бывший сотрудник Института. А сейчас – безработный или сторож какой-то... К криминальным и коммерческим кругам никакого отношения не имеет.

– Почему тогда Сабаталин бумагу в милицию заслал? У него же охраны целый взвод?

Ефим пожал плечами.

– А чего он вообще к Сабаталину пристал? – с недоумением в голосе спросил подполковник.

– Сам удивляюсь...

– Вот и выясни! – поднял указательный палец начальник. – Вот и покопай в поселке! Милиция это заявление проверила и установила, что ни этот Контрибутов, ни кто другой по голове Сабаталина не бил, и в лицо отравляющими веществами не прыскал... Но что-то же за всем этим стоит! Я это печенкой чувствую! Ко всему прочему, Борис Петрович человек не простой... Крупный предприниматель... Депутат областного Законодательного собрания... Член Совета по экономике при губернаторе области... Нас попросили разобраться самым внимательным образом!.. Самым! Так что, давай! Ноги в руки, и дуй в Колосовку! А отпуск твой от тебя не убежит! За царем служба не пропадет, у солдата пузо не вырастет! Понятно?

– Понятно, товарищ подполковник. – дисциплинированно отозвался Ефим. – Разрешите выполнять?

– Действуй, Ефим Алексеевич! Чувствую я, не медицинский тут случай! Совсем не медицинский! – напутствовал подчиненного начальник отдела.

Старший оперативный уполномоченный областного управления федеральной службы безопасности майор Ми-

микьянов поднялся и покинул руководящий кабинет.

2. Дорожный разговор.

До Колосовски можно было доехать и на машине.

Но, перед отпуском Ефим занялся приведением своей старой вазовской «десятки» в порядок и снял карбюратор.

Он поехал на пригородной электричке.

И не пожалел. По железной дороге езды до Колосовки – час со всеми остановками. На машине выходило чуть быстрее. Но тут – никакого труда. Сиди на скамейке, увлекаемый неодолимой электрической силой, читай газету, да смотри в окно. В самой Колосовке машина тоже не нужна – весь поселок можно из конца в конец пройти минут за пятнадцать.

За окном летели плоские зеленые поля. Непроницаемые березовые рощицы, прятали в своей тенистой глубине какую-то тайную жизнь. И медленно вращалась над степью гигантская синяя линза сибирского неба.

Ефим открыл купленный перед отъездом еженедельник. Но не читалось.

Он думал о странном случае с Борисом Петровичем Сабаталиным.

Майор вспомнил о серии необычных преступлений, происшедших в городе год назад. Группа злоумышленников вступала на улице в разговор с ничего не подозревающей жертвой, гипнотизировала ее, и люди сами отдавали пре-

ступникам все имеющиеся деньги и золотые украшения. Иногда они даже приводили мошенников в свой дом, где те брали все, что хотели, при полном безразличии хозяев. Преступники так и не были задержаны.

Может быть, с Борисом Петровичем случилось нечто подобное?... – спросил себя майор.

Но зачем это было нужно? Бориса Петровича никто не грабил...

Размышляя, Ефим краем уха прислушивался к тому, что говорили сидящие рядом пассажиры. Ему слышались как будто знакомые голоса. Беседовали на соседней скамейке. Ефим слегка повернул голову и скосил глаза. Он узнал разговаривающую пару.

Это были люди хорошо известные в определенных кругах. Их звали – Петя Бацанов и Рита Терлеева.

В учетных списках Колосовской милиции они значились, как люди без определенного места жительства, работы и имеющие склонность к антиобщественному поведению. Обитатели поселка старались держаться от них подальше.

Волосы у женщины были обесцвечены перекисью до бумажной белизны, а поверх тонких собственных губ малиновой помадой было нарисовано что-то африканское. Грушевидное лицо мужчины серебрилось седой небритой щетиной, но черный берет сидел на голове с элегантностью, присущей разве что члену союза художников.

Рита была одета в длинное вечернее платье темно-зелено-

го бархата. Разумеется, не слишком уместное в пригородной электричке, несмотря даже на испачканный мазутом подол, и грубо прихваченный черными нитками правый рукав.

На выпуклом Петином животе солидно топорщился много лет не знавший утюга и щетки серый железнодорожный китель. На кителе были погоны. Знаки различия с них были спороты, вместо звездочек на погонах красовались темные невыгоревшие места. Судя по их густоте, китель мог принадлежать, скажем, начальнику станции, а не простому проводнику или машинисту.

В свое время Рита Терлеева была поселковой красавицей. К тому же, она работала диктором на станции и именно ее бархатный голос разносился над поселком из динамиков вокзала.

Увы! Красота не привела к добру. Скорее наоборот. Со своей профессией доморощенной дикторши Рита считалась в поселке прямо-таки звездой. Самое плохое, она сама в это верила. Достойного жениха в Колосовке ей, естественно, не нашлось. Претендентам на ее руку она начинала указывать их подчиненное положение на второй день знакомства. Как это ни странно, мужчинам это почему-то не нравилось. И они бежали от нее, как трусливые мыши от кошки.

Через три года работы Рита ощутила себя в поселке настолько значительной личностью, что решила поставить на место и своего непосредственного руководителя – начальника станции. Увы! Здесь она ошиблась. Ответственная долж-

ность нередко превращает трусливых существ мужского пола в свирепых львов. И когда она при всех сделала замечание, зашедшему по каким-то делам в диспетчерскую станционному начальнику, дескать, он слишком громко разговаривает и мешает ей работать, результат получился совершенно непредвиденный. На следующий день Маргарита Терлеева вылетела из числа работников станции, как пробка из бутылки.

Сначала она надеялась, что начальник опомнится и будет на коленях умолять ее вернуться обратно. В конце концов, кто, кроме нее сможет так красиво объявлять о прибытии и отправлении поездов, а также извещать путейские службы о прохождении через станцию грузовых эшелонов.

Рита не понимала того простого факта, что каждый год в жизнь входят все новые женские поколения, и среди них тоже есть красивые девушки с мелодичными голосами.

Уже через день над станцией зазвучал усиленный мощными динамиками свежий женский голос. Он принадлежал недавней выпускнице средней школы. Все проходит, и нет на земле незаменимых, как сказано в одной мудрой книге.

Этого Рита не выдержала. И ранее, любившая на правах местной звезды проводить время в веселых компаниях, после увольнения она начала выпивать всерьез. Родных у нее не было. Мать умерла вскоре после того, как Рита окончила школу. Отец ушел еще, до того, как Рита пошла в первый класс.

В один из нечестных теперь в ее жизни трезвых дней Маргарита поняла, что катится на дно. Она решила продать оставшийся от матери дом, переехать в город и начать жизнь с чистого листа. Но так случается очень редко. Жизнь не любит чистых листов.

Деньги растаяли неизвестно куда, как это всегда бывает, если рядом находится хвостатый друг, весело улыбающийся сквозь стекло полной бутылки. Переезд в город не состоялся. Новая жизнь не началась. И Рита снова оказалась на вокзале.

Только, совсем в другой роли.

Впрочем, среди поселкового дна она сохранила прозвище – дикторша.

Петр Сергеевич Бацанов в свое время был начальником сменного караула железнодорожной охраны. В этой должности он себе нравился и, возможно, прослужил бы в охране до пенсии. Любо-дорого было смотреть, как он выстраивал перед собой подчиненных бойцов, чтобы затем, после инструктажа, вести их на охрану вверенного ему железнодорожного тупика.

– Вот что, мужики! – говорил он, стоя перед маленьким строем своего караула. – Чтобы на дежурстве ни капли! – и обводил строгим начальственным взглядом двоих вверенных ему стрелков. – А ты, молодой, еще раз без моего разрешения пост покинешь, уши нарву!

Но так случилось, что Бацанов попался на краже краски из вагона, который сам и охранял. Особо алчным Петя не

был. Брал не для перепродажи, а для личной потребности — нужно было покрасить пол в собственном доме. Но кража есть кража. Бацанов попал под суд. Срок он получил небольшой, к тому же условный. Но со службы его уволили.

Петя остался на свободе, но позора и изменения своего общественного статуса пережить не смог. Он начал пить. И через несколько лет оказался и без супруги, и без дочери, и без дома, для наведения уюта в котором он и украл банку краски. Петр Сергеевич стал лицом без определенного места жительства. Профессионалом в специальности под названием — «выживание».

На задворках станции и встретила дикторша и бывший начальник караула Петр Сергеевич Бацанов.

С тех пор они шли по жизни вместе. Возможно, по имеющемуся где-то генеральному плану, они были созданы друг для друга.

Для того, чтобы выжить годились любые средства. Например, такие, как попрошайничество, воровство и мошенничество. Выбор средств ограничивал только страх. Красную черту закона, дружная пара, обычно, не переходила. Точнее, почти не переходила.

Именно на Петин паспорт была зарегистрирована печально известная строительная кампания «Каменный мост», собравшая более пятидесяти миллионов рублей, якобы за квартиры в элитных домах, что предполагалось построить в областном центре.

Реальные основатели компании растворились с деньгами в неизвестности, а оперативные работники бросились с целым отрядом ОМОНа задерживать Петю, на всякий случай, прихватив и Риту. Однако, спихнуть дело на Петю Бацанова, как и рассчитывала хитрая Рита, милиция все-таки не решилась. В суде смотрелось бы смешно: похититель пятидесяти миллионов – бомж, паспорт потерял два месяца назад, и даже заявление в местное отделение милиции отнес. Никто бы не поверил в то, что он является организатором столь масштабной аферы, и, прежде всего, вице-губернатор, брат которого также попал в число обманутых. Риту отпустили сразу, а Петю чуть попозже.

Конечно, полученные парочкой за использование Петиного паспорта десять тысяч рублей, не шли ни в какое сравнение с тем, что положили в свой карман организаторы дела. Но у каждого своя доля в дележе общественных богатств.

Майор повернулся к задней скамейке всем корпусом.

– Здравствуй, Петр Сергеевич! Здравствуй, Маргарита! – сказал он.

– Ой, здравствуйте, Ефим Алексеевич! – радостно вскрикнула женщина.

– Добрый день! – сдержанно поздоровался Петя Бацанов.

– Вы не против, если я к вам пересяду? – вежливо осведомился майор. Его собеседники очень ценили уважительное отношение к себе. Не было лучшего средства расположить их к себе, чем разговаривать с ними в подобном тоне.

– Садитесь, мы подвинемся! – радушно пригласила женщина.

Бацанов пожал круглыми плечами – дескать, ладно, раз уж встретились.

Майор уместился на жестком краю железнодорожной скамейки и спросил:

– Коллеги, вы ничего про случай с Сабаталиным не слышали? А, может быть, видели чего?

– Все видела! Все, как есть! Своими собственными глазами! – не медля ни минуты, выпалила Рита.

Как ни опытен и недоверчив был майор Мимикьянов, но душа профессионального оперативника невольно екнула: неужели удача? Еще не доехал до Колосовки, а уже на удочку что-то попало!

– Что ты видела? – осторожно спросил он.

– Видела, как упырь на него посмотрел, и Борис Петрович – все! Задохаться начал, галстук с себя сорвал, вот так! – показала Рита. – А потом прямо на асфальт сел и ка-а-ак заплачет! Это уже, когда к нему помощник подошел, крепкий такой мужчина...

– А что за упырь-то? – спросил майор.

Рита удивилась его непонятливости.

– Ну, упырь! – сказала она. – Вурдалак! Точно он! Посмотрит на человека и все! Человек ничего не помнит!

Майор Мимикьянов почувствовал, как надежда на получение полезной информации начинает исчезать так же быст-

ро, как и появилась.

– А я где был? – ревниво вступил в разговор, исключенный из беседы Петя Бацанов.

– В буфете! – презрительно скривила нарисованные изображения губ Рита.

– Чего я там потерял? – удивился Петя.

– Не знаю. Деньги, наверное, что я тебе давала. – ядовито заметила женщина.

– Ты мне давала деньги? Смешно. – поджал губы Бацанов.

– Давала!

– Какие деньги? – изумился Петя.

– На пиво!

– Все смеются. – констатировал бывший начальник караула.

– Давала! – упрямо настаивала Рита.

– Ну, ладно! – махнул рукой Ритин спутник. – Давала, так давала. А кто этот упырь-то? Наш колосовский? Или городской? – недоверчиво спросил он.

Рита кокетливым жестом поправила обесцвеченные волосы.

– Да, вроде наш... Я его несколько раз в поселке встречала... Высокий такой! Симпатичный! На меня, кстати, сразу обратил внимание! – сказала она.

– Вокзал смеется! – фыркнул Петя.

– Он, если хочешь знать, даже познакомиться со мной хотел. Просто я сразу дала ему понять, что я – не такая! Не

парчушка какая-нибудь!

– Вокзал смеется! Конвой икает! – настаивал Петя.

Женщина обиженно отвернулась к окну.

– Слушай, Рита, а как этот упырь выглядел? – решил проверить Риту майор. Если она выдумала этого фигуранта, то хоть на минуту задумается, сочиняя не существующую внешность.

Однако никакой заминки у Риты он не произошло.

– Как выглядел? Оч-ч-чень интересный! Высокий такой. На вас, Ефим Алексеевич, чем-то похож...

– На меня? – спросил майор.

– Да. На вас! – подтвердила Рита. – В нем было что-то волчиное.

– А во мне что, тоже есть что-то волчиное? – осведомился Мимикиянов.

– В вас? Конечно, есть! – уверенно подтвердила Рита. – Уши!

– Что, – уши? – заинтересовался Ефим.

– Уши острые, прямо, как у волка! – заверила Рита.

Ефим потрогал свои уши.

«Да, вот так! – подумал он. – До сорока лет дожил и не знал, на кого похож! Оперативник называется!»

– А почему ты решила, что это он на Сабаталина так вредно действовал? – продолжил опрос очевидца майор.

– Ну, как почему? Мне так показалось. – пожала плечами Рита.

– А почему показалось-то? – пытался воспроизвести картину события майор.

Рита задумалась.

– Подозрительный очень. – после серьезной паузы ответила дикторша.

– Чем подозрительный? – не отставал Ефим.

– Ну, понимаете... Он пиво только пригубил, и полную бутылку на асфальт поставил! Полную! Разве не подозрительно? – пояснила Рита.

– Подозрительно. – вынужден был согласиться Ефим. – А он далеко от Сабаталина стоял?

– Да нет, – Рита достала из полиэтиленового пакета пудреницу, – он у входа в буфет стоял, не так чтобы далеко. Стоит и смотрит... Стоит и смотрит... А бутылку пива только пригубил...

Рита раскрыла круглую пластмассовую коробочку и, смотрясь в зеркальце на ее крышке, стала обмахивать бархоткой лицо.

– А, как ты думаешь, Сабаталин его видел? – спросил майор, отвлекая Риту от обожаемого всеми дамами занятия – ухаживания за собой, любимой.

– Может быть, и не видел. – захлопнула пудреницу женщина. – Он за киоском стоял.

– Он что, прятался? – насторожился майор.

Глаза Риты ушли в ее внутренний мир.

– Я тогда об этом не подумала... – после длинной паузы

сказала она. – Но, может быть, и прятался... Он из-за киоска не выходил... Все время там стоял...

– А когда ушел?

Рита подняла глаза к потолку вагона, восстанавливая картину происшедшего.

– Как только с Борисом Петровичем плохо стало, ну, когда он галстук с себя сорвал, этот упырь бутылку на асфальт поставил, повернулся и ушел... – добросовестно, как школьница перечислила она последовательность событий.

– Куда ушел?

– Ну, не знаю, куда... – пожала плечами женщина. – Спустился с платформы и ушел. В поселок, наверное.

Майор почесал у себя над переносицей.

Надежда на то, что он случайно набрел на какую-то информацию по делу Бориса Петровича Сабаталина, хоть и уменьшилась, но все-таки не исчезла.

«Вообще говоря, обстоятельства происшедшего Рита описала точно... – отметил про себя Мимикьянов. – И сорванный галстук упомянула. И то, что к Борису Петровичу подошел человек, – как следовало из прочитанной им оперативной справки, это был начальник службы безопасности Виктор Михайлович Чечулин. И то, что Сабаталин сел прямо на асфальт. Значит, по крайней мере, свидетельницей случившегося она, действительно, была... Только вот, что это еще за упырь?... Или вурдалак?... Вряд ли такая нечисть отиралась на колосовском вокзале... Делать ей больше нечего!

Но ведь на перроне мог быть вовсе и не вурдалак и упырь, а вполне реальный человек, имевший какое-то отношение к интересующему нас событию... И, допустим этот человек вступил с Сабаталиным в кратковременный контакт, которого дикторша просто не заметила... А то, что в съехавшей Ритиной голове он мог превратиться в вурдалака, упыря или пришельца с другой планеты, принципиального значения, как раз, и не имеет...»

– Слушай, Рита, – сказал он, – у меня к тебе большая просьба... Если увидишь этого упыря или вурдалака, ты последи за ним, куда он пойдет... А, если узнаешь, кто такой, совсем хорошо будет. Я эти дни буду у Володи Городовикова. Договорились?

– Подумать надо... – наморщила невысокий лобик Рита.

– Дело серьезное... – вступил в разговор Бацанов, показывая, что в любом деле, имеющем отношение к Рите, он – не посторонний.

– Вы, Ефим Алексеевич, не обижайтесь, но мы люди занятые! – уже от лица двоих заговорила Рита. – Вы же знаете, мы всегда рады вам помочь... Но у нас нет акций «Газпрома», мы вынуждены каждый день зарабатывать себе на жизнь... Конечно, мы можем отложить свои дела... Но кто нам компенсирует потерянные за это время деньги?

– Да. Кто? – сурово спросил Петя.

– Ваши потери будут компенсированы обязательно. – тоже принял очень серьезный вид Ефим. – Страна никогда не

забывает тех, кто ей помогает!

Лица собеседников на долю секунды помягчели, но быстро опять приняли озабоченное выражение.

– О какой сумме идет речь? – спросил Петя.

– Да, хотелось бы уточнить! – поддержала Рита.

Майор Мимикьянов понял, что профессионалов жизни не обойдешь.

– Все зависит от результата... – начал он, но, уловив выражение глаз собеседников, вынужден был резко изменить окончание фразы.

– В качестве аванса передаю вам сто рублей. – сказал он.

По лицам его соседей пробежала светлая волна, но они продолжали оставаться настороженными.

Ефим достал бумажник и вынул оттуда сторублевую купюру.

Обращенные к нему лица начали менять напряженное выражение на доброжелательное.

Майор подумал, кому следует отдать деньги? С одной стороны, главным действующим лицом, видевшим возможного фигуранта, являлась Рита, аванс, бесспорно, заработала она, и, значит, деньги следовало вручить ей, но, с другой стороны, все-таки Петя Бацанов, как мужчина, явно считал себя главой пары, и мог на это всерьез обидеться.

Ефим решил положиться на естественный ход событий. Он поместил зажатую пальцами бумажку примерно посредине между обоими собеседниками.

С разных сторон к ней бросились две руки.

Майор разжал пальцы.

Сторублевка была натянута с противоположных концов, как маленький праздничный транспарант.

Обе стороны проявляли упорство.

Майор стал опасаться за ее судьбу.

Наконец, Рита первая сообразила, что надо выходить из тупика.

Она разжала пальцы, и пока Петр Сергеевич радовался победе, быстрым кошачьим движением стянула с его колен пластиковый пакет и выхватила оттуда неоткрытую пивную бутылку.

– Будьте уверены, Ефим Алексеевич! Если только я этого упыря увижу, сразу вам сообщу! Даже не сомневайтесь! – громко произнесла она, пряча конфискованную бутылку в свою матерчатую сумку.

– Сообщим незамедлительно! – пообещал бывший боец железно-дорожной охраны Петр Бацанов, засовывая сторублевку во внутренний карман железнодорожного кителя.

Не то, чтобы майор Мимикьянов так уж твердо верил, что бывшая дикторша вокзального радиоузла Маргарита Терлева, действительно, видела человека, имевшего отношения к загадочному происшествию на Колосовском перроне. Разумеется, не слишком верил. Этот человек мог быть Ритой и выдуман. Но, майор давно сделал вывод: в оперативной работе никогда нельзя знать наперед, что принесет успех, а

что нет. Иногда ценнейшие сведения дает самый несерьезный источник, или вполне реальной оказывается информация, которая на первый взгляд выглядит полнейшей чепухой.

Исходя из этого, майор не считал отданную сотню потраченной напрасно.

Не успел он перебраться на свою лавку и раскрыть так и не прочитанный еженедельник, как в окне появилось краснокирпичное, похожее на сказочный теремок здание с надписью «Колосовка».

Время в пути пролетело незаметно.

Приехали.

3. Неудачливый ухажер

Майор прыгнул на платформу и сделал глубокий вдох.

Покрытая выцветшим асфальтом железнодорожная платформа пахла свежеполитым огородом.

Во всей округе поселок славился своими солеными огурцами. В Колосовке выращивали собственный сорт, скрещенный из знаменитых муромцевских и нежинских огурцов. Колосовские овощи унаследовали их лучшие качества – они были небольшими, ласкающей глаз обтекаемой формы и сладкими на вкус.

Они солились местными хозяйками по особому рецепту с добавлением дубовой коры, смородинового листа и базилика. Огурчики получались твердыми, ароматными и дразняще хрустели на зубах. Многие считали, что лучшей закуски на свете просто не существует.

Пупырчатые плоды ведрами и банками возили на продажу в областной центр – благо, железная дорога делала этот путь быстрым и легким. Не удивительно, что, в поселке, едва ли не в каждом дворе располагался огород с огуречными грядками.

Вокзал находился по другую сторону железнодорожных путей, через которые был переброшен виадук.

Ефим направился к его знакомым деревянным ступеням.

Поднявшись, он остановился на висящем в синем небе до-

щатом тротуаре с решетчатыми ограждениями.

Прямо перед ним стоял аккуратный краснокирпичный вокзальчик. Рядом прошивала пространство паутина электрических проводов и крепежных растяжек. А внизу уходили к противоположным краям земли блестящие нити рельсов. Эти стальные линии нигде не прерывались, до самых океанов, направо – Тихого, налево – Атлантического.

Если же повернуть голову в другую сторону, взгляд упирался в огромное здание бывшего Института волновых явлений. Своими размерами и прыгающим силуэтом с двумя башнями по краям оно походило на грозный средневековый замок.

Куратором этого Института по линии контрразведки майор Мимикиянов и проработал в Колосовке пять лет. Возможно, лучших лет в его жизни.

Ефим стоял и думал о том, что, наверное, он все-таки ошибся с профессией. В сущности, его с детства привлекали загадки мира природы, а совсем не мира людей. Ему хотелось понять, почему все устроено так, а не иначе, яблоко падает вниз, а не вверх, а совсем не докапываться, кто же убил, украл или изменил служебному долгу. У него хватило способностей, чтобы сразу после школы выдержать конкурс на физмат Новосибирского университета. Это уж потом, после армии, ему предложили работу в органах.

Предложили, и он согласился. По глупости. Хотя, нет, не правда, не совсем уж по глупости. Все-таки какая-то непо-

седливость в его характере была. Несмотря на молодость, он сумел ее заметить, и сомневался, а позволит ли она ему по настоящему заниматься наукой? Вот и согласился на интересную, как ему тогда казалось, работу. И нельзя сказать, что он совсем уж ошибся. В чем-то жизнь оказалась, действительно, интересной. Но только в чем-то.

Теперь вот от прежней непоседливости мало что осталось. Самое бы время сидеть у испытательной установки, записывать результаты опытов и писать статьи с названием «К вопросу о...». Да поздно! Вот и приходится ездить по области и искать неизвестно что!..

Ефим оторвался от созерцания опутанного проводами неба, железнодорожных путей, а также собственной жизни, и начал спускаться на вокзальный перрон.

Здесь майор остановился и покрутил головой.

Вот по этому асфальту и прогуливался Борис Петрович Сабаталин, пока с ним что-то не случилось... А машина с охраной стояла вон там, на краю привокзальной площади... Да, действительно, охрана все время могла его видеть, эту часть перрона от обзора с площади ничто не заслоняет.

Конечно, что-то могло произойти, когда Сабаталин заходил за угол вокзала, размышлял Ефим. Например, кто-то мог вступить с ним в контакт и каким-то образом воздействовать на Бориса Петровича... Но, по показаниям Чечулина и охранников, он оставался вне поля зрения очень уж короткое время... Считанные секунды... Для какого-ни-

будь, допустим, гипнотического воздействия, все равно нужно время... И не такое уж малое!

Как установлено по делу гипнотизеров-грабителей, человек терял контроль над своим сознанием самое меньшее минуты через две-три после начала словесного контакта с преступниками, а, тут не было у возможных злоумышленников этих минут... Прогуливался человек спокойно в одиночестве, звонил кому-то или ему кто-то звонил и вдруг... Был человек и нет его. Психологи правы: теми, кто мы есть, нас делает наша память...

Обойдя лужу с сияющими на солнце краями, Ефим направился к зданию вокзала, а точнее, к тому его крылу, где помещался буфет.

Здесь всегда можно было выпить чашечку сваренного в автомате кофе, не говоря о других напитках, а также вкусно и недорого пообедать. Майор и решил отметить свое прибытие в поселок чашечкой горячего кофе.

У стеклянных дверей буфета, он столкнулся с тремя плечистыми парнями в черных кожаных куртках. Встреченные ему не понравились. И самоуверенными лицами, и хозяйской повадкой, и какой-то исходившей от них скрытой агрессией.

В пронзенном солнцем буфете было пусто.

За массивной деревянной стойкой стояла полная белокурая буфетчица. Это была его старая знакомая Аля Тиц. А рядом с ней находился крепкий мужчина, выражением лица

и черной курткой похожий на тех людей, с которыми майор только что столкнулся у входа.

И общение между этим посетителем и Валентиной имело не совсем мирный характер. Мужчина держал буфетчицу за кисть руки, которую та пыталась вырвать. От усилия и волнения на щеках у Валентины красными яблоками выступил румянец. Мужчина смотрел на женщину уверенно, слегка улыбаясь, с выражением прямо-таки полноправного хозяина.

Ефим подошел к стойке. Мужчина на него никак не реагировал. Занятая борьбой Алевтина его тоже не замечала.

Вторая рука невежливого ухажера спокойно лежала на полированной поверхности стойки. Ефим вплотную приблизился к мужчине, ухватил за безымянный палец и заломил его назад. Ухажер взвыл от неожиданной боли и повернул в сторону Ефима искаженное болью лицо.

– Ты что? Отпусти, гад! Больно же! – сразу потеряв свой уверенный вид, взмолился мужчина.

– Разве так с женщинами разговаривают? – спросил Ефим, слегка ослабляя хватку.

С исчезновением болевых ощущений противник снова начал смелеть.

– Да, ты кто такой? – прищурившись произнес он.

– Я – местный участковый Голобородько. – уверенно ответил Ефим. – А вот ты кто такой, голубь?

Противник на секунду задумался и сбавил тон.

– Да, проезжий я... Электричку жду... Из соседнего района!

– А-а-а... – протянул Ефим. – Ясно. Муромцевский, наверное?

– Ну, да. Муромцевский... – покладисто кивнул мужчина.

– Ну, тогда иди. Жди. Только в буфет больше не заходи. Понял?

– Понял, понял... Все! Не зайду! Ну, отпускай уже! – нетерпеливо дернулся Алин ухажер, пытаясь освободить руку.

Но майор руку не отпустил и посмотрел на своего пленника удивленно.

– Подожди. – охладил он нетерпеливого бойца. – Не спеши так. А что, извиняться перед женщиной я за тебя буду?

– Да, ты что, участковый? Я ж ничего такого не делал... Только руку погладил и все! За что извиняться-то? – обиделся на проявленную к нему несправедливость плененный.

Ефим снова начал загибать плененный безымянный палец назад.

– Ну, извини, извини красавица, не хотел обидеть... – резво обернулся к буфетчице невезучий посетитель.

– Прощаешь его, Алевтина? – спросил Ефим.

– Да, ну его! Пусть себе идет. – ответила Аля, потирая запястье. – Тоже мне кавалер нашелся...

– Ну, иди. Только, чтоб больше я тобой не занимался. – сказал Ефим и отпустил чужой палец.

Невезучий ухажер облегченно отдернул свою руку и быстро сделал несколько шагов в сторону.

Отойдя на безопасное расстояние, он исподлобья посмотрел на Ефима, и майор не увидел в его взгляде ничего хорошего.

Мужчина что-то угрожающе пробормотал, но очень тихо, во всяком случае, Ефим ничего не расслышал. Но увидел, как правая рука женолюбивого посетителя буфета сжалась в кулак.

Майор приготовился встретить удар.

Но атаки не последовало.

Противник резко повернулся и, не оглядываясь, направился к выходу.

– Ой, Фима, а Володя говорил, ты через неделю приедешь! – улыбнулась Аля.

– Да, так получилось... А тут смотрю, какие-то резвые ухажеры появились... Кто это такой?

– Сама не знаю! Первый раз вижу!.. Четверо их еще в десять часов на городской электричке приехали... Чего-то все утро на вокзале крутились! Я думала дальше куда-нибудь поедут, а они нет... Потом трое чай с бутербродами попили и ушли, а этот прилип, как банный лист!..

– Да, борзые ребята... К кому это они, интересно?

– Про Контрибутова спрашивали... Где живет...

– Про Контрибутова? – удивился Ефим. – А зачем он им?

– Говорили, какую-то посылку от какой-то тетки привез-

ли...

– Хороших почтальонов тетка нашла... – почесал нос Ефим.

– Да, не говори... – осуждающе покачала головой буфетчица. – Хорошо, что ты тут оказался... А то я уж кричать хотела... Дежурного звать... Тебе кофе сделать?

– Сделай. Двойной в маленькой чашечке.

– Слушай, Фима, ты не вздумай в «Дагомысе» обедать! Ты через часик на башню приходи, я тебя накормлю! – сказала Аля, насыпая молотый кофе в автомат. – Я сегодня как будто знала, что приедешь, твою любимую окрошку сделала!

Выпив кофе, майор Мимикьянов кивнул Але Тиц и покинул ресторан.

На платформе он огляделся. Ни Алиного ухажера, ни его спутников он не увидел. Перрон вообще был пуст. Только в дальнем его конце, неразлучная парочка – Петя Бацанов и Рита Терлеева направлялись к лесополосе. За ней находилось место их постоянного обитания – железнодорожный тупик.

У ступенек, ведущих на привокзальную площадь, под деревянным навесом располагался крохотный базарчик. Он состоял из нескольких немолодых женщин, торговавших знаменитыми колосовскими огурцами. Они стояли возле каждой хозяйки в стеклянных банках и лежали в больших чашках.

Ефим прошелся вдоль прилавка. Женщины одна за дру-

гой поздоровались с ним. То ли узнали, то ли по неискоренимой поселковой привычке.

Майор остановился на огурцах, принадлежащих пожилой огороднице в белой косынке. Вся Колосовка звала ее баба Клава. Он знал, у нее были очень вкусные огурцы. Ефим выбрал небольшой веретенообразный огурчик с прилипшим смородиновым листом.

– Берите! Не пожалеете! – заулыбалась полным загорелым лицом баба Клава. – Уку-у-усные!

Расплатившись, майор с хрустом откусил сразу половину, почувствовал во рту острый кисло-сладкий сок и окончательно почувствовал: он – в Колосовке.

Спустившись с платформы, Ефим оказался на привокзальной площади. Это был асфальтовый круг, окруженный зеленой стеной высоких деревьев с толстыми, уходящими в землю корнями. Укрытая сверху разросшимися кронами, уходила в поселок неширокая улица.

Ефим пересек залитую солнцем площадь и вошел в зеленый туннель.

Он направился к видному со всех концов поселка зданию, похожему на средневековый замок.

Раньше в нем помещался Институт.

4. Комендант Института

В свое время Институт являлся закрытым учреждением, ведущим исследования, связанные с оборонной тематикой. Это и было главной причиной его размещения не в областном центре, а в поселке, расположенном на расстоянии пятидесяти километров от большого сибирского города.

Институт был создан в далекие послевоенные годы. Получая щедрое финансирование в течение десятилетий, он год от года увеличивал штаты, число отделов и лабораторий. Вместе с ними росло и институтское здание. К нему пристраивались новые корпуса, крылья и этажи, внутри прокладывались новые коридоры и пробивались лестницы. В конце концов, здание приобрело такую запутанную конфигурацию, что ей бы позавидовал знаменитый лабиринт древнегреческого чудовища Минотавра.

На противоположных торцах этого огромного сооружения высились две надстройки с зубцами, как у крепостной башни – одна круглая, другая – квадратная. Вместе с разноэтажным прыгающим силуэтом они делали здание Института похожим на средневековый рыцарский замок. Особенно это впечатление усиливалось вечерами, на фоне зеленого закатного неба.

Капитан Мимикьянов в свое время отвечал за контрразведывательную защиту Института. Он прожил в поселке пять

лет. Как казалось ему теперь, лучших лет в его жизни.

Институт волновых явлений решением полномочных инстанций был закрыт три года назад.

Сейчас его бывшее здание использовалось меньше, чем на половину.

После освобождения от старых хозяев, вывоза десятков тонн специального оборудования и тысяч томов секретной документации, в помещениях института разместились несколько местных торговых фирм, дорожная служба, и единственный в поселке ресторан под экзотическим названием «Дагомыс». Но эти отдельные очажки жизни терялись среди бесчисленных пустующих комнат и целых этажей.

К бывшему зданию Института волновых явлений и направлялся майор Мимикьянов.

Выйдя из тополиного туннеля, он оказался перед белой колоннадой его центрального входа. Но подниматься по длинным каменным ступеням и заходить в его массивные деревянные двери с гранеными стеклами, майор не стал. Он двинулся вдоль бесконечной каменной стены. Добравшись до ее конца, Мимикьянов завернул за угол, намереваясь попасть в хозяйственный двор.

Завернув за угол, он остолбенел.

Во дворе пылал пожар.

Горел тентованный грузовой КАМАЗ.

Вокруг растерянно передвигались несколько мужиков с огнетушителем, мятыми ведрами и пожарным багром.

Из-под тента просачивался во все стороны белый пепельный дым, а через задний борт рвалось на волю бледное желто-голубое пламя.

Мужчина с огнетушителем приблизился к огню и направил на него снежную струю пены. Огонь, словно испугавшись, юркнул обратно под тент. Но тут же раздался глухой хлопок и, разорвав ткань, над машиной взметнулся огромный черно-алый костер.

Он загудел и затрещал. Из окон кабины с жалобным звоном посыпались на асфальт стекла. Раздался еще один хлопок, теперь уже громкий, как выстрел. Многотонная машина, словно живая, вздрогнула, подпрыгнула всеми четырьмя колесами, и на ее месте вырос оранжевый огненный шар.

Закрывая ладонями лица, люди бросились прочь от обжигающего пламени.

Больше никто не предпринимал попыток тушить пожар.

КАМАЗ уже догорал, когда в хозяйственный двор с завыванием сирены ввалился слоноподобный пожарный автомобиль. Профессиональная команда борцов с огнем быстро рассыпалась по двору, скоро раскатала брезентовый рукав и без труда потушила догорающие останки того, что еще несколько минут назад представляло собой машину с грузом.

Разглядывая угольный скелет грузовика, майор почувствовал, как кто-то положил руку на его плечо.

Он обернулся.

Обернувшись, майор Мимикьянов обрадовался.

Перед ним стоял седой и загорелый Владимир Иванович Городовиков бывший комендант Институтского здания, а ныне комендант этого же здания, только теперь принадлежащего местной поселковой администрации.

Две мужественные вертикальные морщины вдоль щек, ярко-голубые глаза и тяжелый подбородок делали его похожим на отставного полковника из старого фильма. Редкая жительница Колосовки в свое время могла избежать соблазна, если на нее обращал внимание Владимир Иванович. Да, впрочем, и сейчас, перешагнув полувековой рубеж, он пользовался почти не скрываемой благосклонностью жительниц поселка. Этому способствовало и то, что Городовиков овдовел больше десяти лет назад, а обе его дочери давно вышли замуж и жили далеко от Колосовки – одна в Новосибирске, другая – в столице.

Имея безупречную полковничью внешность, Владимир Иванович, действительно, некогда состоял в кадрах министерства обороны. Только не полковником, а прапорщиком. И очень давно. Во времена, когда Ефим охранял от возможного агентурного проникновения Институт волновых явлений, Владимир Иванович уже с десятков лет находился в запасе.

– Ефим? А я смотрю, кто это тут на пожар любитесь? Здорово! – протянул он крепкую, как доска, ладонь. – Я тебя только через неделю жду! Еще и комнату не приготовил...

Хотя, чего ее готовить? Все равно с прошлого года пустая стоит...

– Обстоятельства. – неопределенно сказал майор.

– Что за обстоятельства такие? Служебные или личные? – осведомился Городовиков.

– И те и другие.

– Ну, я так и подумал... – заметил ветеран комендантской службы.

– А у вас тут пожары, однако?

– И не говори, Ефим!.. Это уж третий КАМАЗ за прошедшую неделю!.. – кивнул комендант в сторону обгоревшей автомобильной рамы.

Майор удивленно пожал губами. Для тихой Колосовки, где и бытовая драка-то была явлением не частым, такое обилие чрезвычайных событий поражало.

– Да ты что! И кто это старается? – спросил он.

– Пойдем ко мне на башню! – Владимир Иванович махнул в сторону одной из дверей, ведущих с хозяйственного двора внутрь здания. – Что мы здесь на виду у всех торчим, как два локатора на холме. В кабинете и поговорим! Чайку попьем или еще чего примем с устатку, а?

– Пошли! – кивнул Ефим, и они направились в кабинет коменданта.

Его рабочее место, как и раньше, располагалось в квадратной башне, застывшей над рыжими крышами разноэтажных корпусов архитектурного монстра.

Они немного покружили по безлюдным, пахнущим пылью и пустотой темным коридорам, выбрались на широкую каменную лестницу, и по ней поднялись на башню.

Кабинет Владимира Ивановича был до краев заполнен солнцем. Сквозь пробитые по периметру высокие окна его лучи навывлет пронизывали башню.

Ее внутренность была перегороджена на две части. Перегородкой служила зеленая брезентовая ширма на каркасе из никелированных трубок, какими снабжаются военные госпитали.

В одной половине, стоял пегий от времени канцелярский стол с парой стульев, маленький журнальный столик и – все. Самые же нужные предметы помещались в другой половине – за ширмой. Там находился обитый черной кожей диван-бегемот, кухонный шкафчик с посудой, газовая плитка и эмалированная раковина с холодной и горячей водой. Это были вещи совершенно необходимые вдовому коменданту. После смерти жены он почти все время проводил на работе. Через две улицы у него имелся хороший бревенчатый дом, но хозяин его не баловал своим присутствием ни сам дом, ни расположенный на его задах огород.

На его грядках в покое и довольстве обитали рослые сорняки.

Комендант относился к тем немногим горожанам, которые не сажали знаменитых колосовских огурцов. Это, разумеется, совсем не означало, что он их не ел. Напротив. Он

даже любил сравнивать образцы засолки, предоставляемые разными хозяйками. Случалось, что испытываемые образцы поступали в его распоряжение вместе с хозяйками.

В былые времена Ефим неоднократно сиживал на башне с комендантом за рюмкой яблочной самогонки. С тех пор, здесь ничего и не изменилось. Разве что в простенке между высокими окнами появился большой глянцевоый календарь военно-страховой компании с фотографией улыбающейся девушки. Из одежды на девушке имелась только солдатская пилотка. Сидела девушка на стволе танковой пушки.

Майор подошел к высокому окну, начинающемуся почти от самого пола.

Колосовка лежала под его ногами.

Поселок по самую макушку пряталась в зеленой пене садов.

Стояла над ним совсем деревенская тишина, и облака казались перьями, потерянными большими и добрыми небесными птицами.

– Что, Фима, скучаешь по Колосовке? – спросил Городовиков.

– Бывает. – согласился майор Мимикьянов.

– Вот и не уезжал бы.

– А что бы я тут делал? Место коменданта институтского здания уже занято... Один прапорщик оккупировал его намертво, трактором не сдвинешь...

– Ну, есть же тут ваша контора. Вон Витя Зимницкий си-

дит...

– Можно подумать, я сам себе места службы определяю!.. Если б так было, я бы себя уполномоченным по обеспечению секретности Черного моря назначил... – вздохнул Микьянов.

В это момент за спиной Ефима скрипнула дверь.

Он обернулся.

На пороге стояла большая белокурая женщина в переднике и снежной кружевной наколкой в волосах. Это была Аля Тиц, с которой Ефим расстался сорок минут назад.

Аля была подругой бравого вдовца с институтских времен. Будучи дамой разведенной, она очень хотела стать законной супругой коменданта Городовикова, упорно работала в этом направлении, однако взять Владимира Ивановича с его огромным опытом общения с женским полом, было не просто.

– Знаешь, Володя! – сказала она. – Ко мне сегодня утром какой-то пассажир пристал. – Очень я ему понравилась... За руку, ка-а-ак схватит! Отпускать не хотел... Хорошо, тут Фима зашел и его прогнал!

– А ты, Алевтина, сиськи наружу еще больше высунь, так к тебе все пассажиры сбегутся! – сверкнул офицерскими стальными глазами комендант в сторону выреза на Алиной блузке.

Ефим подозревал, что как раз такой реакции Аля и добивалась, но внешне она обозначила легкую обиду:

– Тебе дай волю, ты бы меня в своей старой гимнастике ходить заставил. Она до горла застегивается!

– Аля! – строгим голосом сделал замечание личному составу Городовилов.

– Что, Аля? Что Аля? – вспыхнула буфетчица, но умеренно, не раздувая маленький огонек до пожара, грозящего всему дому – Что я виновата, что пассажирам нравлюсь? Вот Людка-сменщица, вообще, чуть не голой ходит, все просвечивает и вверху и внизу... Все прямо наружу, прости господи! А к ней все равно никто не пристаёт!

– Аля! – рассудительно произнес комендант. – Я тебе сколько раз говорил: бросай работу в своем буфете! Сколько всякой шпаны возле вокзала отирается!

– Легко сказать, бросай! А кто меня кормить будет? Вы Владимир Иванович? Так я согласная! – моментально ожилилась Аля, явно имея в виду создание семьи совместно с Владимиром Ивановичем Городовиловым.

Разговор вроде бы незаметно, сам собой, приплыл к теме замужества. Но многоопытный майор понимал: само собой никогда ничего не происходит. У любого дела всегда есть автор. Просто иногда мы самонадеянно считаем, что сами выбрали дорогу, по которой пошли, и не видим хитрую руку, которая нас именно туда незаметно подтолкнула.

В данном случае, начиная разговор о приставании в вокзальном буфете, Аля рассчитала партию на три хода вперед. Она подготовила для коменданта ловушку, в которую он дол-

жен был обязательно забрести. Но забрести, думая, что выбирает путь самостоятельно.

Очевидно, игроком Аля, как и вообще большинство дочерей Евы, была хорошим. Владимир Иванович, каким-то непонятным для него образом, нисколько того не желая, сам разговор на тему брака и вывел.

В ожидании ответа женщина на коменданта не глядела, с расстроенным выражением на лице рассматривала небо за окном.

Попав в расставленный для него капкан, Владимир Иванович не знал, что сказать.

Все, что он в итоге смог сделать, это внушительно прочистить горло и басовито крикнуть.

Алина поняла, что на этот раз сдачи противника пока еще не будет. Но, не будучи наивной, она особенно на это и не надеялась. Проведенной же атакой осталась вполне довольна. Капля камень точит, а мужчину превращает в мужа только ежедневный женский труд. Пусть не сегодня, пусть не завтра, но, в конце концов, крепость все равно падет, и она добьется желанного штампа в новом российском паспорте.

Прекратив действия в лоб, Аля отошла на заранее подготовленные позиции и начала обходную операцию под условным названием «Забота».

– Мужчины, вы обедать будете? – спросила она усталым, но ласковым голосом беззащитной Золушки.

– Ефим, как ты насчет – покушать? – обрадовался комен-

дант завершению опасной темы, которую сам, по собственной глупости и вызвал на свет. – Время уже!..

Они сели за небольшой канцелярский столик, стоящий у окна. Стекольный переплет начинался в полуметре от пола.

Если опустить взгляд, прямо под ними лежала асфальтовая дуга подъездной дороги, лента тротуара с одиноким фонарным столбом и зеленая губка акациевых кустов.

Аля была хорошей хозяйкой, да и война за сердце упрямого коменданта не давала ей расслабляться. Она сделала окрошку на настоящем хлебном квасе с кубиками розовой колбасы, яйцом и картошкой.

На подносе рядом с двумя полными тарелками стоял и соблазнительно запотевший двухсотграммовый графинчик.

– Что это, Алевтина? – строго спросил комендант, указывая глазами на графин.

– Ефим Алексеевич не каждый день приезжает... – ответила Аля. Этими словами она показывала, что все-таки обижена, и яблочную водку выставила исключительно для уважаемого гостя, а совсем не для тех, кто никак не может по-настоящему оценить и позвать замуж любящую женщину, к тому же, хозяйку, каких поискать.

Но и Владимир Иванович был не лыком шит. Показывая, кто все-таки хозяин в доме, он выдержал жирную паузу, и только после нее сдержанно кивнул Але:

– Ну, ладно. Так и быть. Оставь.

Холодный графинчик с яблочной водкой домашнего про-

изводства торжественно перекочевал в центр маленького столика.

– Кушайте, мальчики! – шелковым голосом произнесла Аля. – Там в холодильнике еще голубцы. Если захотите – разогреете, хорошо? А мне уже в свой буфет бежать надо! Через сорок минут фирменная «Сибирь» остановится, буду прибыль делать.

– Спасибо Аля. – сухо поблагодарил Городовиков буфетчицу.

– Так я пошла? – дисциплинированно спросила разрешения временно сменившая тактику комендантская подруга.

– Да, иди Аля. – ответил комендант.

Алино воинское искусство принесло свои результаты. Хотя комендант продолжал изображать строгость, но его голос значительно потеплел.

Буфетчица повернулась и неторопливо, специальной штурмовой походкой прошла по комнате, покачивая солидными бедрами, словно тяжелая барка на небольшой волне. У двери она улыбнулась, дескать, никаких обид не помню и люблю по-прежнему.

Буфетчица вновь показала себя опытным стратегом. Перегнуть палку не менее опасно, чем не догнуть. Ведь рядом ходят и другие охотницы. Начинать свою атаку, они, как водиться, будут с радостных улыбок и демонстрации полной готовности выполнить любую волю обожаемого избранника. На этом сладком фоне, нельзя постоянно натягивать на ли-

цо обиженное выражение. Можно потерпеть полный крах. Таким, в принципе сильным и проверенным средством, как расстроенная физиономия, надо пользоваться очень умеренно.

Ефим поставил про себя Але высшие балы, как за мастерство, так и за артистизм.

Комендант аккуратно разливал яблочную самогонку, не догадываясь, какой огромный объем аналитической работы осуществляет генеральный штаб противника по его поводу.

– За встречу? – произнес Владимир Иванович, поднимая покрывшуюся легким туманом стопку.

Ефим поднял свой стеклянный бочоночек. Он понюхал напиток, уловил знакомый сладковатый растительный запах и сделал маленький глоток.

Выгнанная Алей самогонка была отличной. Все было, как прежде. Если не считать того, что происходило у подножия комендатского кабинета.

– Так что у вас тут происходит? Отчего все дымит и пыляет? – спросил майор, поднося ко рту ложку с крошкой.

– Ну, а как не гореть? Как не гореть? – поставил опустевшую рюмку на стол комендант. – Средство для ванн «Милена» – это ж фактически чистый спирт! Девяносто градусов! Знаешь, как спирт горит?

– А что у вас сильно полюбили в ваннах мыться? – поинтересовался Ефим.

– Да у нас еще не очень... – взялся за ложку и комендант. –

Больше родную яблочную предпочитают. Нас уж к средствам гигиены не приучишь! А вот у соседей, в Москаленском районе, да и в Бородинском, там, да – потребляют, будь здоров!

– Неужели эта «Милена» такая хорошая вещь?

– Хорошая – не хорошая, главное – почти дармовая! – отправляя в рот окрошку, произнес Владимир Иванович. – Из одной маленькой бутылочки «Милены» если разбавить, поллитровка сорокаградусной получается... В пять раз дешевле, чем, если водку в магазине брать... Это даже дешевле, чем первач гнать, сахар-то, он тоже нынче не мало стоит... Государство за средства для ванн акциза не берет, как с полезного гигиенического средства, вот «Милена» такой дешевой и выходит! А спирт – тот же самый! Мужикам – экономия, а Борису Петровичу Сабаталину, соответственно, – прибыль. Разве плохо?

– Почему же плохо? – согласился майор. – Еще как хорошо! Ну, а машины с этой «Миленой» сами по себе, что ли, загораются? Без причины?

– Сама по себе и рюмка не поднимается. – резонно заметил комендант. – Пока кто-то руки не приложит.

– И, что за фамилия у этих рук?

– Ну, Фима, ты слишком много хочешь! Откуда ж я знаю! Милиция искала – и та ничего не нашла. Посчитали, вроде как, самовозгорание от неосторожного обращения...

– Володя! – упрекающим тоном произнес майор. – Что ж у тебя и предположений никаких нет?

– За руку я никого ловил... Ну, а так, конечно, кое-какие соображения имею... – с ноткой самодовольства в голосе ответил комендант.

– Так давай свои соображения! – нетерпеливо подтолкнул собеседника Ефим.

Комендант кашлянул для солидности, ложку не положил, но пользоваться ей стал реже.

– Командование Колосовского ликероводочного завода очень огорчается... – неторопливо начал он. – Встанет скоро завод. Не берут больше мужики водку, гигиеническими средствами обходятся... А хозяин завода на овечку-то не сильно похож... Уж я-то Карабанова давно знаю. Изучил, еще когда Марат Матвеевич у меня завхозом бегал! Он сам, кого хочешь, схарчит... И, как ты думаешь, будет он спокойно смотреть, как «Флора» его бизнес рушит? – строго спросил майора Владимир Иванович.

– Да, наверное, не будет. – согласился Мимикьянов. – Прав ты, директор ликероводки в подозреваемые годится.

– Еще по одной? – спросил Городовиков, поднимая графинчик. – Ты чего скромничаешь, Ефим? Не пьешь совсем? Заболел, что ли?

– Не хочу что-то. Пей один, на меня внимания не обращай...

– Ну, смотри, Фима... Выборы – дело добровольное. Это право, а не обязанность каждого гражданина... – торжественно изрек Владимир Иванович и наполнил свою рюмку.

Но сразу пить не стал, опустил на стол.

– Есть и другие недовольные... – произнес он, искоса сверкнув на Ефима своими патентованными офицерскими глазами.

– Да? – поднял глаза от тарелки Ефим.

– Да. – подтвердил комендант.

5. Подслушанный разговор

– И кто ж эти недовольные? – поднял глаза от тарелки Ефим.

Владимир Иванович вдруг опустил глаза, влил в себя пару ложек крошки, пожевал, проглотил и только после этого сказал:

– Эти недовольные, например, известная тебе торговая фирма под названием «Галина». Шесть магазинов в Колоновке и соседних районах. Во всех магазинах открыты фирменные отделы нашей ликероводки. Раньше колосовская водка у «Галины» шла нарасхват – недорогая, а качество приличное... Я сам пробовал, хотя свою яблоновку ни на что не променяю... Только, кто ж теперь эту недорогую водку брать будет, когда совсем дармового средства для мытья в ванне, – хоть залейся? Хозяйка «Галины» говорят, тоже недовольна! А это такая дама – себя в обиду не даст... Да, что я тебе говорю... Ты же, Галю Стороженко лучше меня знаешь!... – совсем спрятал глаза в тарелке комендант Городовиков.

Ефим в раздумье почесал кончик носа.

Галину Васильевну Стороженко он, конечно, хорошо знал. И, бесспорно, Галя была дамой способной на многое. И как многие женщины, она признавала Закон, только когда он защищал ее личные интересы, и считала его придуманной

мужчинами чепухой, если Закон почему-то стоял на страже интересов кого-то другого.

– Так, вот же и она, легка на помине, наша гарна дывчина... – указал комендант на остановившуюся внизу под башней белую «Ауди». Оттуда выбралась крупная женщина в светлом летнем платье. Она резко хлопнула автомобильной дверцей, и, подбрасывая круглыми коленями подол, устремилась к входу в здание, которое в Колосовке продолжали называть Институтом. Лицо у хозяйки торговой фирмы «Галя» было сосредоточенным. Быстро взойдя по ступеням, она скрылась от взоров рассматривающих ее мужчин.

– Ишь, летит, как будто за ней кто гонятся... – заметил комендант. – Не нравится мне что-то в последнее время атмосфэ-э-эра... – задумчиво произнес он, выливая в свою рюмку остатки яблочной самогонки, изготовленной заботливыми руками сибирской немки Алины Тиц. – Совсем не нравится!

– Чем не нравится? – поинтересовался Ефим.

– Да, какие-то беспокойные все стали... Нервные! Плохо это!

– Слушай, Володя, а к кому это Галя летит-то?.. Она ведь сюда, в институтское здание побежала? – спросил Ефим.

– Думаю, в «Дагомыс», – чмокнув губами после яблоновки, ответил комендант, – к Карабанову.

Ресторан «Дагомыс» после ликвидации Института был открыт в его бывшем актовом зале. Хозяином ресторана яв-

лся директор и фактический владелец местного ликероводочного завода Марат Матвеевич Карабанов.

Когда-то Марат Карабанов начинал свою трудовую биографию под командованием коменданта Городовикова в должности завхоза. Карабанов ушел из Института на ликероводку еще до того, как Мимикиянов приехал в Колосовку, но Ефим местного олигарха, разумеется, знал.

Внешне Марат Матвеевич походил на добродушного домашнего хомяка-добряка. Но внутри он был подобен скорее злому весеннему медведю.

– Чувствую, встреча на высшем уровне намечается... – заметил Городовиков. – Марат тоже подъехал. Вон смотри, на той стороне под деревьями его вездеходный сундук припарковался. – комендант показал глазами куда-то вниз. – Минут десять назад. Ты спиной сидишь, вот и не видишь...

– Интересно бы послушать, о чем такие уважаемые люди говорить будут... – мечтательно протянул майор.

– Можно. – тоном всесильного, но скромного волшебника произнес Городовиков.

– Это как? – удивился майор.

– А вот пошли, покажу. – произнес довольный собственным могуществом комендант.

После пяти минут блужданий по коридорам и переходам, они оказались на темной каменной лестнице, зажатой между гладкими стенами. На уровне глаз располагались вентиляционная решетка. Оттуда доносился нездешний аромат моло-

тых кофейных зерен.

Комендант указал на решетку пальцем.

Ефим прильнул к ней лицом.

Владимир Иванович с равнодушным видом оперся рядом о стену.

Перед майором открылась знакомый ему актовый зал Института. Теперь здесь стояли накрытые белыми скатертями столики поселкового ресторана «Дагомыс».

Вентиляционная решетка выходила в угловую часть зала, отделенную от остального помещения невысокой решетчатой загородкой. По ней вился зеленый плющ. Это был персональный кабинет Марата Матвеевича Карабанова.

В кабинете находился сам директор ликероводочного завода, Марат Матвеевич Карабанов, начальник его службы безопасности Дим Димыч Штерн, а напротив них – хозяйка торгово-закупочной фирмы «Галина» Галина Васильевна Стороженко. На столе перед ними стояли кофейные чашки.

Марат Матвеевич сидел, скорбно поджав свои толстые, словно оладыи у хорошей хозяйки, губы.

В свое время Карабанов покинул Институт не совсем добровольно. В административно-хозяйственном отделе коменданта Городовикова он был материально ответственным лицом, закрепленным за мебелью и оборудованием кабинетов, не имеющих специального назначения.

В этом качестве он обменял двадцать металлических стеллажей на принадлежащие железной дороге четыре бух-

ты медного провода. Стеллажи по срокам службы достигли возраста списания, и в день обмена Марат подмахнул все акты на отправку их в металлолом. Полученный за уже как бы несуществующие стеллажи провод, Марат ставить на учет не стал, а прямым сдал за наличный расчет в один из пунктов по приему цветных металлов.

Все сложилось удачно. Марат уже потирал руки и раскатывал свои толстые губы на присмотренную им малоподержанную вазовскую «десятку». Но случилось непредвиденное.

Пункт по приему цветных металлов попал под плановый рейд милиции, проводимый в рамках компании борьбы с хищениями проводов на линиях электропередач. Бухты с новенькими медными проводами вызвали обоснованное подозрение. Расследование далеко не ушло. Ни железная дорога, ни Институт не заявили о причиненном им материальном ущербе. Но недовольное обнаружившимися махинациями завхоза руководство Института предложено Марату уйти. Хорошо, хоть по собственному желанию. Влетело и коменданту Городовикову. В приказе в его адрес было сказано: слабо осуществляет контроль за деятельностью подчиненного персонала.

Так Марат Карабанов оказался экспедитором отдела сбыта на местном ликероводочном заводе.

Прошедшие пятнадцать лет не прошли даром. Марат Матвеевич не только превратился из экспедитора в директо-

ра завода, но и стал его реальным владельцем – ему принадлежал контрольный пакет акций предприятия.

Майор прислонил к решетке ухо и напряг слух.

– Это не я придумала! Не я! Мне в милиции сказали, что Сабаталина отравили... – услышал майор знакомый женский голос. – Они про тебя спрашивали... Ты же при людях грозился его отравить! Слушай, Марат, а это на самом деле, не ты?

Голос принадлежал Галине Стороженко.

– Я его отравил? – раздался возмущенный рык Карабанова. – Да ты что, Галя, в своем уме? Не травил я его! Хотя, может быть, и стоило бы!.. Это не я, это он, собака, своим средством для мытья всех травит! Жили люди спокойно, нормальную водку пили, и вот – на тебе! Нашелся, борец за чистоту!... Она ж эта «Милена» с вредными добавками... От них в желудке язвы! У мужиков вообще импотенция наступает!..

– Слушай, Марат, а ведь перед тем, как Сабаталину плохо стало, он с тобой коньяк пил... – будто поймав мелькнувшую в голове мысль, произнесла Галина.

– Ну и что? – насторожился Карабанов.

– Ты, случаем, туда ничего не подсыпал? – невинным тоном осведомилась Галина.

– Опомнись Галя! Что ты такое говоришь? – даже растерялся Марат Матвеевич. – Ты ж сама здесь была! И коньяк пила... Ты ж не отравилась?

– Я твой коньяк не пила. – сухо заметила собеседница.
– Так, я же и себе из той же бутылки наливал...
– Ты и сам не пил. Я же видела. – сказала Галина.
– Ну, в конце концов, Димыч же с нами был... – директор указал на начальника своей службы безопасности. – Он-то точно пил! И живой же!.. Вот он сидит, целый и невредимый!..

Галина помедлила и негромко произнесла:

– Пил он или нет, я не знаю! А вот Чечулин меня сегодня утром встретил и тебе грозил! Он говорит, точно знает, что ты Сабаталина отравил...

Виктор Михайлович Чечулин – был младшим совладельцем акционерного общества, и занимал должность начальника службы безопасности фирмы «Флора».

– Он сказал, что отомстит... – продолжала владелица торговой фирмы «Галина». – И за Бориса Петровича и за сгоревшие КАМАЗы с «Миленой»!

– А КАМАЗы тут причем?

– Ну, он думает, что это ты их поджег!

– Не трогал я его КАМАЗы! – повысил голос владелец ликероводки.

– А Чечулин думает, что трогал! Что же они сами по себе горят, что ли?... Мне сказали, час назад еще один сгорел... Тут вот прямо, в хозяйственном дворе...

– Димыч, ты понимаешь, что-нибудь? – повернулся Карабанов к соседу.

– Не понимаю, Марат Матвеевич... – встревоженным голосом отозвался начальник службы безопасности ликероводочного завода. – Галя, ну вот как на духу тебе говорю: это – не мы! Чем хочешь, поклянусь!

– Да, что мне с ваших клятв! – раздраженно произнесла женщина. – Вам хорошо! Вы – мужчины! А мне что делать? У меня дома мама и дочка! А Чечулин – он же ненормальный! Когда смотрит, аж мурашки по телу бегут! Он в тюрьме сидел! От него всего можно ожидать! Он ведь, наверное, и меня подозревает!

– Да брось ты, Галина, горячку пороть! – шлепнул ладонью по столу Карабанов. – Если со мной или с тобой что-нибудь случится, милиция сразу же поймет, чьих это рук дело... Что же он, дурак, что ли?

– Дурак, не дурак, а бешеный, это уж точно! – мрачно отозвалась Галина.

Собеседники помолчали.

– Ладно, Галя, я вот что предлагаю... – решительно произнес Карабанов. – Я сегодня с Чечулиным встречусь и поговорю... Что же, умные люди все выяснить не смогут, что ли? А сейчас давай на этом закончим... Идет?

Женщина кивнула гладко причесанной головой.

– Ты, Галина, посиди, коньячку выпей, успокойся, а мы с Димычем пойдем! У нас сегодня еще дел – выше крыши!

Мужчины поднялись и покинули заведение, названное в честь находящегося на территории Абхазии морского мыса.

Да, сказал себе Ефим, зашевелилась, зашуршала прежде тихая Колосовка. Да, ведь и есть от чего.

Сквозь вентиляционную решетку он увидел: Галина Васильевна подозвала официантку и сделала заказ.

6. Кофе с пирожными

– Слушай, Володя, пойду-ка я с Галиной поздороваюсь. А то узнает, что я в Колосовке, обидится еще... Бабы они, знаешь, какие!.. – обратился к коменданту Ефим.

– Знаю. – заверил тот. – Иди! Я у себя на башне буду или в хозяйственном дворе. Ключ знаешь, где!

Галину Стороженко он застал за кофе с заварными пирожными.

Выглядела она хорошо. Конечно, несколько располнела, но это ее не портило. Черные и блестящие, без единой сдинки волосы были стянуты в тяжелый узел на затылке. Карие малороссийские глаза – полны светом жизненной удачи. Ни испуга, ни особой озабоченности на ее круглом лице Ефим не заметил.

– Ефим! – воскликнула она. – А мне Городовиков говорил, ты только через неделю приедешь! Ну, садись, кофе попьем!

Майор опустился на стул.

– Ты, смотрю, Галя, все хорошеешь! – польстил Галине хитрый майор.

– Да, ну! Скажешь тоже! – с удовольствием возразила она.

– Правда! – заверил майор. – А как твоя коммерция движется?

– Да, жаловаться не на что! Неплохо идет! Тьфу-тьфу! –

Галина постучала кончиками пальцев по столу. – Вот новый магазин в Москаленках открыла!

– Молодец! А как у вас тут вообще в Колосовке дела? – небрежным тоном спросил Ефим.

– Да так, в основном, все по-старому... Правда, Сабаталинская «Флора» с Карабановым сцепились!... Не на жизнь, а на смерть! Да, ты, наверное, и сам знаешь!

– Ну, так, в общих чертах... – ответил майор.

– Прямо война! – Галя округлила свои карие малороссийские очи. – КАМАЗы с «Миленой» горят! Я слышала, – женщина понизила голос, – будто Карабанов Сабаталина отравил... чуть не до смерти!

– Вот дела! – удивленно приподнял брови майор. – А его что, – отравили?

– Ну, я точно не знаю... Говорят. – пожала плечами женщина.

К столику подошла молоденькая официантка с большим розовым бантом в волосах.

– Здравствуйте, дядя Ефим! Что будете заказывать? – весело спросила она.

Майор удивился: «Кому это я тут дядей прихожусь? Нет у меня в Колосовке ни племянников, ни племянниц...» Он всмотрелся в юную мордашку со вздернутым носиком.

– Вы меня не узнаете? – заулыбалась официантка. – Я же Лена Боровских. Моя мама в Институте работала, в третьей лаборатории... Помните, вы помогали мне задачки по алгеб-

ре решать? Ну, мы еще колбу разбили?

Ефим напряг память, сотрудницу института Боровских как будто вспомнил, а вот ее дочку нет.

– А! Вспомнил! – тем не менее, сказал он. – Ну, ты и выросла! Какой симпатичной стала! Красавица прямо! Принеси-ка мне двойной черный кофе в маленькой чашечке.

– Сейчас сделаю, дядя Ефим! – упорхнула к стойке выросшая дочка бывшего старшего научного сотрудника Нины Ивановны Боровских.

Майор наморщил лоб, будто припоминая чьи-то слова.

– А мне вот кто-то сказал, что Сабаталину Контрибутов угрожал... И чуть ли не при тебе это было?

– Контрибутов? Вика? – изобразила удивление Галина.

– Ну, да.

– Ой, мало ли что Вика скажет! – всплеснула она руками. – Может быть, и говорил что-нибудь... И что? Кто он такой? То ли сторож, то ли вахтер! Что он может-то? Смешно даже!

«Однако, сам Борис Петрович почему-то совсем не смеялся, а даже не поленился в милицию заявление отнести...» – подумал Ефим, а вслух произнес:

– Так, думаешь, это Карабанов Бориса Петровича в больницу отправил?

– Я знать этого не могу, но вполне возможно...

– А чего ж Сабаталин с Карабановым не поделили? – спросил он.

– Ну, как чего? – ответила Галина. – Не поделили, что на-

род пить будет! Карабановскую водку, или Сабаталинскую «Милену»... Средство для ванн стало побеждать, вот Карабанов и обозлился...

– Да, вот тебе и тихая Колосовка! – покачал головой Мимьянов. – Ну, надеюсь, тебя-то эта война не касается?

– Ну, меня-то нет... А все равно неприятно!

Симпатичная официантка принесла кофе. Ефим сделал первый, как всегда, самый вкусный глоток.

Галина вытянула из-под стола свои ноги в светлых чулках и разместила их так, чтобы они оказались в поле зрения собеседника. Ноги внимания, бесспорно, заслуживали.

– Ты где жить будешь? – искоса взглянула женщина на Ефима. – У Городовикова?

– Ну, да. Как всегда. У него же дом пустой стоит.

– Слушай, Ефим, а ты за то время, что я тебя не видела, не женился случайно, а?

– Нет, Галя.

– А что так?

– По одной дивчине скучаю, да меня она знать не хочет... – вздохнул майор.

– Это, кто ж такая? – заинтересовалась женщина.

– В Колосовке живет. Одну торговую фирму возглавляет...

– Это ты про меня, что ли, говоришь? – покачала головой Галина. – Можно подумать! Чего ж ты меня замуж не звал?

– Не считаю пока себя готовым к такому шагу! – с серьез-

ным видом произнес заготовленную чепуху майор.

Ответ Галине не понравился.

– Ну, смотри! Как бы поздно не оказалось! У дивчины ведь могут и другие ухажеры образоваться. Она – дама не из последних... Не дурнушка там какая-нибудь! Да и приданное многих интересует. – делая вид, что улыбается, произнесла хозяйка фирмы «Галина».

– Я подумаю! – заверил майор.

– Думай. Только не очень долго. – с появившейся льдинкой в голосе произнесла женщина.

Ефим вспомнил, как они с Галиной Стороженко стояли на виадуке три года назад.

Институт умирал.

Уже работала ликвидационная комиссия. Большая часть лабораторий была опечатана. Сотрудники слонялись по бесконечным коридорам с растерянными лицами. А в воздухе по утрам пахло близкой осенью, и на черные крыши пролетающих под виадуком вагонов август клеил яркие желтые листья.

– Не могу представить себе, что Института нет... – говорила Галина. – Умом-то понимаю, а Колосовку без Института представить не могу...

Мимикьянов тоже не мог. Он с детства, как, наверное, и любой городской мальчишка знал о его существовании.

Ефим родился и вырос в областном центре, но и там почтовый адрес: «Колосовка – 17», за которым скрывался Ин-

ститут волновых явлений, без запинки произносил каждый мальчишка. А, когда он сам после возвращения из Москвы стал работать в Колосовке, Институт вообще стал казаться ему целым миром. Таким же сложным, как и Мир Большой, и таким же вечным.

В этом мире имелось многочисленное местное население – элита и демос, – доктора наук и младшие научные сотрудники. Его обитатели занимались наукой – пытались понять устройство таинственного механизма природы, они боролись за продвижение вверх по карьерной лестнице, любили и ненавидели. Дело, которым жители этого мира занимались, казалось им чрезвычайно важным.

В этом мире имелись свои традиции – например, вместе встречать наступление Нового года. Существовала собственная история, причем совсем не маленькая, полвека – это срок с любой точки зрения. Жившие в этом мире женщины волновали его атмосферу так, что по ней то и дело прокатывались настоящие шторма.

Одним словом, жизнь в этом закрытом Мире бурлила и пенилась, как созревающее пиво.

И вот этот Мир внезапно прекратил свое существование.
– Ты куда теперь, Ефим? Уедешь? – спросила Галина.
– Мне что думать?... Куда скажут... – пожал плечами Ефим. – А ты куда?

– Я в Колосовке останусь... Коммерцией по настоящему хочу заняться... Я ведь этим делом вообще-то и сейчас за-

нимаюсь...

– Прогореть не боишься?

– Нет. Я же торговый институт кончала... И уж коммерческие дела не хуже, чем всякие некоторые знаю... Вон Маратка Карабанов, дуб дубом, а как раскрутился! Что же я, хуже?...

Она помолчала.

– А, что, Ефим, может, останешься, а? Вместе будем фирму раскручивать? – не смотря на него, произнесла Галина.

– Кто ж меня отпустит?

– Так увольняйся из органов! Подумаешь, золотое место! Вон, сколько ваших оттуда ушло, и на гражданке еще лучше устроились! – с надеждой посмотрела на него женщина.

– Я подумаю! – дипломатично ответил он тогда.

С тех пор прошло три года.

Они допили кофе и поднялись.

– В гости-то зайдешь? – делая вид, будто что-то разыскивает в своей сумочке, спросила Галина.

– Обязательно. – заверил Ефим.

– Когда?

– А когда пригласишь?

– Тогда заходи сегодня вечером. – по-женски ловко поймала его на слове Галина.

– Сегодня и зайду. – пришлось пообещать майору.

– Буду ждать! – повела карими глазами Галина. – А то, знаю я тебя! Опять с Городовиковым к каким-нибудь про-

тивными бабам закатитесь!

– Да какие-то там бабы! О чем ты говоришь, Галя? У Вы все бабы в прошлом! Одна Аля осталась. А я вообще – однолюб!

– Не обмани! – прощаясь, сказала Галина.

Они вышли на пахнущую солнцем улицу. Вместе обогнули угол здания. У торцевой стены две маленькие девчушки, как резиновые шарики, прыгали на расчерченном мелом асфальте.

Хозяйка торговой фирмы махнула ему на прощание ладошкой и пошла к своей белой «Ауди».

«Ну, война между Сабаталинской «Флорой» и карабановской ликероводкой за рынки сбыта – это понятно. – сказал себе Ефим. – Но причем здесь Контрибутов? Ведь в своем заявлении в милицию Борис Петрович не на Карабанова жалуется и даже не на Галю Стороженко, – это было бы вполне логично, – а почему-то на Вику Контрибутова, не имеющего никакого отношения к разгоревшейся битве гигантов. Странно... Или Марат Матвеевич Вику Контрибутова в качестве ударной силы нанял? Учитывая, что он в свое время занимался восточными единоборствами.? Но инженер особой драчливостью совсем не отличался... Да и у Карабанова своей охраны – целый взвод! Бойцы, как на подбор, морды – одна другой шире!.. Зачем же ему еще Контрибутов понадобился? Загадка!»

7. Звуки фортепиано, летающие из окна

Майор Мимикьянов слушал музыку.

Он стоял у двухэтажного дома, сложенного из непропитанных шпал. Когда-то такие дома для своих работников строила железная дорога. Дом обступили непролазные заросли сиреневых кустов.

Нездешние звуки фортепиано летели из углового окна на втором этаже. Это был Григ. Странная, тревожная мелодия троллей из оперы «Пер Гюнт».

В угловой квартире жила преподавательница музыки Ева Станиславовна Туровская.

Ефим вступил на асфальтовую дорожку, идущую между кустами и подошел к подъезду.

Он поднялся по темной деревянной лестнице с чисто выскобленными ступенями и остановился у обитой лаковыми дощечками двери. Майор прислушался к тому, что происходило в квартире. Там уже не играли. Майор нажал белую кнопку звонка.

За дверью раздались шаги, а затем, мягкий звук открываемого замка.

Дверь распахнулась, и на пороге он увидел Еву Станиславовну. На него пахнуло дорогими духами. Как всегда, Ту-

ровская одета была так, словно готовилась идти на концерт или принимать гостей. Она была в тонком зеленом шелковом платье, ее веки умело подведены, а на голове уложена короной толстая коса цвета спелой пшеницы.

– Ой, Фима, ты?

– Здравствуйте, Ева Станиславовна! Пришел с визитом. Не прогоните?

– Что ты! Как хорошо, что пришел! И вовремя! Мы с Танечкой как раз закончили!

Из-за высокой фигуры хозяйки выглядывало личико крохотной девчушки с белым бантиком в русых волосах. В руках она держала большую черную папку величиной почти такую же, как она сама.

– Я пошла, Ева Станиславовна? – спросила она, подняв головку с круглыми глазами. В свете коридорного абажура они казались фиолетовыми.

– Иди, Танечка. До среды. И помни! Левая ручка! Сыграла правой гамму, а левой два раза пробеги! И все у нас будет хорошо! Вот увидишь!

– Хорошо, Ева Станиславовна! – радостно кивнула, освобожденная узница музыки и выкатилась за дверь.

– Проходи в комнату! – улыбнулась Туровская Ефиму. – Я нам сейчас кофе по-варшавски сделаю!

Ефим вошел в знакомую комнату с массивным черным корпусом старого фортепиано. На его верхней крышке высилась стопка пухлых нотных тетрадей и стояла маленькая

вазочка синего стекла с букетом крохотных желтых степных цветов.

В этой комнате всегда, даже в пасмурную погоду, было очень светло. В каждой из угловых стен было прорезано по два окна, заливающих сосновый паркет живым светом.

Когда-то выпускницу среднего музыкального училища Еву Веневскую направили преподавать в музыкальную школу станции Колосовка. Здесь русская полька познакомилась с неженатым начальником станции, тоже поляком по происхождению, Адамом Туровским. Он был старше ее на пятнадцать лет. Но она приняла его предложение выйти за него замуж. Что было этому причиной – любовь или высокое для Колосовки служебное положение жениха – не известно. Но они поженились, дружно прожили двадцать лет и вырастили дочь.

Жизнь не пощадила Адама Туровского. Он умер на рабочем месте в результате сердечного приступа, не достигнув пенсионного возраста. Дочь окончила консерваторию в Новосибирске, вышла замуж за набирающего известность пианиста, и уехала с ним в Германию. С тех пор Ева Станиславовна жила одна.

Дочь звала ее к себе в Гамбург. Казалось, ей уже незачем было оставаться на небольшой сибирской станции, но она почему-то не уезжала. Так и оставалась в поселке, продолжая учить колосовских детей вокалу, нотной грамоте и игре на фортепиано.

На светлой стене рядом с фортепиано висела фотография Адама Туровского в старой железнодорожной форме с петлицами, делающими его похожим на довоенного польского офицера.

Дед Адама родился в Лодзинском воеводстве и оказался на территории России после присоединения Западной Белоруссии. Во время войны он воевал в составе сформированной на территории России армии Людовой, и вполне имел возможность уехать после победы на историческую родину. Но не уехал. Влюбился, как случалось тысячи раз, в холодную, грубую, но почему-то притягивающую к себе страну. Ее дикий, насыщенный непонятной энергией воздух незаметно просочился в его душу, осел там, и мягкая атмосфера его настоящей родины стала казаться ему серой и безвкусной.

– Вот и кофе! – сказала Ева Станиславовна, входя в комнату с подносом в руках. – По-варшавски, с пенкой, как ты любишь!

Лучше кофе, чем тот, что варила преподавательница музыки, Ефим нигде и никогда не пробовал.

Кофе по-варшавски готовится так. Сначала, в турке варится черный кофе без сахара, затем, после закипания процеживается. Потом, в кофе добавляется немного сахара и сливки, и он снова доводится до кипения. В результате получается густой темный напиток. Бодрящий, как ожидание свидания, и мягкий, как шелковистая женская кожа.

Ефим и сам часто готовил кофе по-варшавски, но так как

у Евы Станиславовны у него никогда не получалось. Как впрочем, и ни у кого. Должно быть, она что-то туда добавляла. А, может быть, дело было в ней самой. Приготовление кофе – это, вообще, волшебство и тайна.

– В отпуск к нам, или по делам? – спросила хозяйка, опустившись в кресло перед низким столиком.

Ефим скользнул взглядом по затянутым в темные чулки круглым коленям хозяйки, показавшимся из-под платья. Несмотря на годы, в прекрасной женской форме была преподавательница музыки, отметил по себе внимательный майор.

– В отпуск – через неделю. А сейчас поручили про случай с Сабаталиным разузнать... – честно признался Ефим. Майор Мимикьянов давно усвоил – когда можно, всегда говори правду. Правда всегда рождает ответное доверие. В данном случае, он так и сделал.

– А я уж думала, все так и оставят... – с одобрением произнесла Туровская. – Решат, что медицинский случай и все!

Майор сделал глоток созданного хозяйкой колдовского напитка.

– А вы, Ева Станиславовна, думаете, что это не медицинский случай?

Женщина осторожно поставила чашку и сказала:

– Я не врач. Но! – подняла она указательный палец, и Ефим отметил безупречный бледно-розовый маникюр. – Но! – она сделала паузу. – Тебе скажу... Мне кажется, ты, Ефим, меня поймешь... Какие-то странные волны плывут в

воздухе... Таких раньше не было. Ты понимаешь меня, Фима?

– Понимаю. – сказал майор, ничего не понимая. – Что за волны?

– Ну, вот я сижу и слышу, как вокруг меня воздух колеблется, иду по улице и тоже эти колебания воздуха слышу... Окно открою и слышу... Вот звук струны, когда она уже замирает, обычное ухо не слышит... Только хороший настройщик услышать может... Вот, так и здесь... Обычные люди этот звук воздуха не слышат, а я слышу.... Ты, понимаешь меня, Фима?

– В общих чертах... – осторожно ответил майор.

Хозяйка поставила белую фарфоровую чашечку на столик и медленно положила ногу на ногу.

«Невозможно работать. – сказал себе майор. – И без этого ничего сообразить не могу...»

– Так вот. В последнее время воздух иногда звучит по-другому!

– По-другому? – озадаченно переспросил Ефим.

– По-другому! – подтвердила Туровская. – Раньше таких волн не было. А ведь я живу здесь скоро двадцать пять лет!

Ефим помолчал, взял с тарелочки печенье и откусил. Кругляшок оказался мягким, сладко благоухал ванилью и корицей.

– И, что вы по этому поводу думаете? – наконец, спросил он.

Ева Станиславовна вытянула подкрашенные сиреневой помадой губы трубочкой и увела взгляд подведенных глаз в окно.

Понаблюдав за легкими волнами облаков в полуденном небе, она вернулась в комнату и сказала:

– Знаешь, Ефим, я много думала, что это значит... И вспомнила, я уже слышала такой тон. Да! Однажды также звучало что-то в вашем Институте, когда он еще работал... Я проходила мимо и слышала. А теперь вспомнила!

– Вот как... – попытался осмыслить слова преподавательницы музыки майор.

Туровская внимательно посмотрела на него умело подведенными глазами.

– Фима, я не доктор наук, и не разведчик, как ты... – делая паузы между словами, начала она. – Мне трудно судить, что все это может значить... Но, мне кажется, где-то рядом начал работать какой-то прибор, ну, как бы... колеблющий пространство... Такое большое фортепиано... Только никто его не слышит, а я слышу... Ты понимаешь меня, Фима?

Майор Мимикьянов кивнул головой, хотя мало что понял.

Но, тем не менее, он совсем не склонен был считать, что слова преподавательницы музыки – это пустые фантазии женщины бальзаковского возраста.

Майор понимал, что Туровская обладает удивительной чуткостью к сигналам, которые посылает окружающий мир. Сигналам, которые обычный человек, как, например, он сам,

попросту не замечает. А вот она их слышит так же, как чуткий камертон улавливает и отзывается на звучащую где-то ноту, не слышную обыкновенным ухом.

Размышляя над словами Евы Станиславовны, Ефим почувствовал, как у него слегка завибрировало в голове. Возможно, в этом был виноват кофе по-варшавски, крепость которого надежно замаскирована нежным вкусом.

Посидев еще немного, майор сослался на занятость, поднялся и стал прощаться.

– Ты заходи ко мне, Фима! Не теряйся! – у двери погрозила ему ухоженным пальцем Туровская. – Последний раз, когда у меня был?

– Виноват! – склонил голову Ефим. – Как только получу отпуск, приеду сюда минимум на две недели и, каждый вечер буду вас навещать! Еще надоем, Ева Станиславовна!

– Ну, уж, Фима! Не кокетничай! Ты же знаешь, уж кого-кого, а тебя я всегда рада у себя видеть!

Майор Мимикьянов вышел из крепкого деревянного дома, и остановился среди сиреневых кустов. Он стоял, подставляя лицо солнечным лучам, и размышлял над услышанным от нестареющей учительницы музыки.

Немного подумав, он решил, что откладывать визит к доктору физико-математических наук Горынину больше нельзя.

8. Обед у доктора Горынина

Вскоре майор был у цели.

Под старыми тополями стоял двухэтажный кирпичный дом после-военной постройки. Когда-то он предназначался для директора Института волновых явлений и его заместителей.

Доктор физико-математических наук Горынин с супругой жил в большой квартире на втором этаже. До самой ликвидации Института, даже достигнув пенсионного возраста, он продолжал руководить одним из его основных отделов – излучающих приборов.

Супруга доктора – Наталья Сергеевна также имела к Институту самое прямое отношение. В течение многих лет она была секретарем директорской приемной.

Не доходя метров пятидесяти до Горынинского дома, майор остановился и шагнул за куст ветвистой сибирской акации.

У подъезда, где жил Горынин, стоял, спрятав внутренность салона за тонированными стеклами, большой серебристый внедорожник.

Казалось бы, ну и что? Мало ли могучих внедорожников колесит сейчас по сибирским дорогам? Но Ефиму почему-то не захотелось выходить на открытое пространство. Он стоял за акацией, смотрел на закрытую дверь подъезда и ждал

неизвестно чего.

Простояв минут пять и так ничего и не дождавшись, он уже приготовился шагнуть на тротуар, как дверь подъезда громко скрипнула и распахнулась. Из дома вышли четверо мужчин. Все они были в пиджаках и галстуках.

Остановившись у автомашины, они о чем-то заговорили. Слов Ефим не слышал.

К кому это они приезжали? Уж, не к доктору ли? А больше как будто и не к кому? Кто там еще в подъезде живет? Внизу – пенсионерка с дочерью продавщицей и двумя внуками, вверху – поселковая сумасшедшая Инна Лилипуц... Не к ним же... Скорее всего, к Горынину... Интересно, что же понадобилось таким солидным людям от находящегося на покое пенсионера?

Возможно, проконсультироваться хотели по каким-либо специальным вопросам... Но доктор всю жизнь проработал в закрытой сфере и никаких консультаций никому не дает... Если только эти люди приехали по нашей линии... Но Гоша Пигот бы мне сказал... Интересно, кто же это такие? – спросил себя майор Мимикьянов.

Пока он размышлял, мужчины закончили оживленный обмен мнениями и погрузились в машину. Внедорожник мигнул габаритными огнями, плавно вырулил на шоссе и быстро скрылся за ближайшим углом.

Ефим покинул свое укрытие и направился к подъезду старого дома.

На звонок ему открыл сам Леонид Георгиевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.